

МЕТАФОРИЧЕСКАЯ ЭКСПЛИКАЦИЯ ОБРАЗА ПОЭТА В ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА М. И. ЦВЕТАЕВОЙ

Вильчинская А. Г.

Национальный педагогический университет имени М. П. Драгоманова

Стаття присвячена метафорі як важливому складнику когнітивного рівня мовної особистості М. І. Цветаєвої. Представлені варіанти аналізу метафор, що експлікують образ поета.

Ключові слова: мовна особистість, метафора, образ.

Статья посвящена метафоре как важной составляющей когнитивного уровня языковой личности М. И. Цветаевой. Представлены варианты анализа метафор, эксплицирующих образ поэта.

Ключевые слова: языковая личность, метафора, образ.

The paper is devoted to metaphor as an important part of a cognitive level of the linguistic personality of Marina Tsvetaeva. The variants of analysis of metaphors, that expresses character of poet, are presented.

Key words: linguistic personality, metaphor, character.

Обращение к образу поэта имеет многовековую традицию. Довольно часто судьбы многих авторов и апелляция к указанному образу соприкасаются, объединены общими мотивами – одиночества, сходства с детским мировосприятием, преданности литературному ремеслу, наконец, трагической гибели.

Феномен языковой личности М. И. Цветаевой подробно проанализирован Л. В. Зубовой, Е. Л. Кудрявцевой, О. Г. Ревзиной. Образу поэта как такового в интерпретации М. И. Цветаевой были посвящены работы В. А. Масловой, Т. С. Кругловой, О. Ю. Шишкиной и мн. др. Кроме того в лингвистическом русле изучены представления автора о личностях таких поэтов, как А. С. Пушкин (О. В. Калинина, Н. А. Козина, Н. Д. Стрельникова), Б. Л. Пастернак (Н. И. Большакова, М. А. Сулейманова), В. В. Маяковский (Ю. Иваск, М. Пьяных), А. Блок (В. Н. Голицына, Е. В. Титова), Р. М. Рильке (К. Азадовский, Т. А. Данилова) и др. Тем не менее, несмотря на многообразие и многоаспектность исследований, посвящённых М. И. Цветаевой, нельзя утверждать, что данная языковая личность изучена полностью.

Согласно концепции Ю. Н. Караулова, структура языковой личности включает три уровня: вербально-семантический, когнитивный и прагматический [5, с. 37]. Л. П. Иванова отмечает: “И если семантико-строевой уровень языковой личности в большой мере универсален для всех говорящих на данном языке, то прагматический и когнитивный весьма специфичны, то есть концепты, группировка и соотношение их в сознании каждого индивида, мотивы и оценка своей речи присущи только ему” [4, с. 11]. А. И. Башук характеризует метафору как троп, содержащий опыт непосредственных ощущений, что даёт возможность выделить мировоззренческие константы автора [2, с. 174].

Как известно, когнитивный уровень языковой личности взаимосвязан с картиной мира, так как отображает иерархию ценностей в системе представлений индивидуума. Образ поэта занимает важное место в концептуальной картине мира М. И. Цветаевой. Актуальность настоящего исследования определяется прежде всего необходимостью описать значение метафоры в структуре когнитивного уровня языковой личности М. И. Цветаевой. В качестве иллюстративного материала выбрана проза этого автора в связи с её уникальностью с позиций взаимодействия, взаимопроникновения концепта “поэт” и метафорического континуума в меньшей степени, чем стихи.

Целью работы является рассмотрение метафор как важных составляющих тезауруса М. И. Цветаевой. Поскольку образ поэта включает в себя огромный спектр значений, охарактеризовать полномасштабную весомость его для универсума М.И. Цветаевой в рамках статьи невозможно. В задачу данного исследования входит анализ способов экспликации общих черт поэта и поэзии, а также таких отличительных сторон образа поэта, как одиночество, трудолюбие, подвластность наитию.

Текстовая системность отражает творческую индивидуальность автора, его идиостиль и мировидение [3, с. 252]. Л. П. Иванова подчёркивает: “Тропы, поскольку они связаны с ассоциациями в сознании и мышлении одного человека, тоже вступают в системные отношения и образуют тропическую систему, проявляющуюся в художественном произведении” [4, с. 70]. Рассуждая о прагматической установке использования автором тропов, В. А. Маслова отмечает их способность оказывать эмоциональное, интеллектуальное и волевое воздействие на реципиента [6, с. 42]. Наряду с концептом, языковой игрой метафора является центральным понятием идиостиля М. И. Цветаевой, имеющим ассоциативную природу. Н. Д. Арутюнова утверждала: “Суть ассоциативного мышления состоит не столько в способности видеть сходство между предметами, сколько извлекать из подобия смысл” [1, с. 75]. Интерпретация метафор посредством ассоциативного подхода позволяет определить место и значение многих образов в языковой картине мира автора.

Для творческого почерка М. И. Цветаевой характерно сосуществование нормы и отклонения от нормы (“традиционно обозначающего” и “ситуативно обозначающего” в терминологии Ю. М. Скребнёва). Каждая метафора является тем самым примером отклонения от нормы, так как предусматривает деавтоматизацию восприятия.

Проиллюстрируем это наиболее яркими примерами.

*М. Л. * говорит, что я говорю о себе лично, но говоря о себе лично, я говорю о поэте, о всей породе поэтов, поэтому это не мой личный случай, а личный случай всей Поэзии!* (8, 477).

Данная метафора из текста записных книжек демонстрирует, что М. И. Цветаева соотносила поэзию с особым миром. Переход существительного “поэзия” из разряда имён нарицательных в разряд имён собственных (на что указывает написание слова с заглавной буквы) вызывает ассоциацию, что это не просто абстрактное явление, а реально существующая страна, каждый гражданин которой называется поэтом**. Кроме того, посредством употребления в переносном значении слова “порода” автор указывает на определённую степень родственных отношений, связывающих всех поэтов, а также на все качества, позволяющие считать их особым типом людей.

<...> Пушкин дружбы, Пушкин брака, Пушкин бунта, Пушкин трона, Пушкин света, Пушкин няни, Пушкин “Гавриилиады”, Пушкин церкви, Пушкин – бесчисленности своих ликов и обличий – всё это спаяно и держится в нём одним: поэтом (8, 696).

Генитивные метафоры, по мнению О. И. Глазуновой, ориентированы на описание объективных показателей с точки зрения субъективного их восприятия. Как правило, в составе структуры генитивной метафоры в качестве коннотата практически не употребляются одушевлённые предметы. В данном случае метафора выражена цепочкой генитивных конструкций, где повторяется стержневой компонент “Пушкин”. Помещая образ поэта в подобную метафорическую структуру, М. И. Цветаева преследовала цель обозначить уникальность описываемого автора и продемонстрировать своё отношение к нему. В ряду генитивных конструкций, находятся контекстуальные антонимы, связанные с фактами биографии поэта, ставшими прецедентными феноменами: дружбе противопоставлен брак, трону (власти) – бунт, свету (обществу) – няня, “Гавриилиаде” – церковь (в данном контексте это можно прочесть как противопоставление религиозных взглядов молодого А. С. Пушкина и А. С. Пушкина в зрелые годы). Для объединения конфликтующих явлений использовано

слово “спаяно” в переносном значенні (неразривно, крепко соединено [10, с. 998]), що змушує сприймати образ поета єдиним цілим, частини якого можуть мати суперечливий характер. Останній залежний генитив, виражений не одним іменем іменним, а словосполученням, передбачає тире, що продиктовано, в першу чергу, прагматичною установкою автора. Подібним чином знаходить вираження думка про те, що список можна продовжувати до нескінченності, оскільки феномен особистості А. С. Пушкіна невичерпний.

Гете “Геца фон Берліхінгена” і Гете “Метаморфоз рослин” навіть не знайомі. Взяв от себе прежнього всё, что понадобится, нынешний оставил его в дивных лесах молодой Германии времён собственной молодости и зашагал дальше. Если бы зрелый Гете встретил на перекрёстке времён молодого, он, возможно, не узнал бы его настолько, что захотел бы познакомиться с ним. Говорю не о Гете-личности, а о Гете-творце. <...> Гете Геца, Гете Вертера, Гете “Римских элегий”, Гете “Науки о красках” и т. д. – где он сам? Везде и нигде. Сколько их? Столько, сколько шагов. Каждый новый шаг делал новый пешеход. Выходил один, а приходил другой. Гете-творец поднимал ступню каждого пешехода. Он был их творческой мышцей. Как и Пушкин. А может быть, это и есть сущность гения (8, 867).

Даний уривок переповнений простими метафорами, викликаючими одну асоціацію: молода Німеччина, перехрестки часу, поет – пішохід (де “шаги” – його твори), творча м'яз. На їх фоні проступає складний образ: в теченні однієї людської життя поет проживає багато авторських життя.

Л. П. Іванова в роботі “Оформлення мовної картини світу автора в художньому тексті” відзначала: “П. А. Вяземський назвав Пушкіна “слідством Жуковського”, на що перший відповів: “Я не слідство, а точно учень його, і тільки тим і беру, що не смею сунути на дорогу його, а бреду проселочною” [цит. по 4, с. 20]. Невідомо, знайома чи була М. І. Цветаєвої даний висловлювання А. С. Пушкіна, достовірно лише те, що в її свідомості виникали схожі асоціації.

Беспутний – ти, Бальмонт, і беспутна – я, всі поети беспутні, – своїми шляхами йдуть (7, 518).

Метафора реалізується за рахунок ефекту обманутого очікування (асоціативної провокації). Лише прочитав пропозицію до кінця, читач розуміє, що був введений в заблудження, так як тричі повторене слово *беспутний* володіє в авторському уявленні позитивною, а не негативною конотацією. Вибір даної лексики продиктовано, очевидно, бажанням поєднати в одному і тому ж висловлюванні ставлення звичайних людей до поетів і ставлення поетів до самих себе. Переосмислюючи внутрішню форму слова, М. І. Цветаєва наділяє його новим значенням: беспутним людини можна назвати не тому, що він зійшов з шляху, не має шляху, а тому, що його шлях може бути невидим для інших: “Правда поета – тропка заростаюча по слідах. Бесследна би і для нього, якщо би він міг йти позади себе” [9, с. 847]. Автор не боїться слова, яким, як непорозумінням, когось може ранило творчого людини, і перетворює характеристику “мінус” в “плюс”.

М. І. Цветаєва неодноразово зверталася до теми трагічної загибелі кожного поета. Не виключено, що причиною тому послужила прецедентна ситуація загибелі А. С. Пушкіна. В стосунках формування картини світу М. І. Цветаєвої особистість А. С. Пушкіна була когнітивним джерелом образних номінацій (термін належить Н. А. Лук'янової). Іншими словами, його образ був для М. І. Цветаєвої вихідною базою для формування уявлень про багато фактів дійсності (“Мій Пушкін”). Картина “Дуель Пушкіна з Дантесом”, репродукція якої висіла в спальні матері М. І. Цветаєвої, залишила глибокий слід в душі поета. Протягом років розуміння того, що доля всіх одарених особистостей трагічна, тільки зміцнилася. В зведених тетрадах М. І. Цветаєвої вказувалася

цитата Г. Адамовича: “М. Ц. – ничей путь”. Следом шла метафора, выражающая дополнение автора: *“Всякий поэт – свой собственный путь – в пропасть”* (9, 488). Вследствие выражения мысли посредством эллиптического предложения создаётся синтаксическая экспрессивность. Достоверно воссоздать из контекста сказуемое невозможно, тем не менее смысловая нагрузка высказывания не нарушена. Акцент ставится на характеристике уникальности (*свой собственный*): несмотря на закономерности, связанные с судьбами поэтов, их творческий путь всегда неповторим. Об этом приведём ещё один пример метафоры: *“...все поэты столь схожи и столь несхожи. Схожи тем, что все без изъятия сновидят. Не схожи – своими снами”* (8, 866).

Для когнитивного уровня языковой личности М. И. Цветаевой характерна идея о том, что поэт не является человеком, случайно узнающим тайны бытия и решающим передать их другим. Образ поэта очень важен для М. И. Цветаевой, но в системе представлений о творчестве он занимает далеко не центральное место. Согласно языковой картине мира автора, идеи, стихи сами выбирают, через кого они хотят явиться реальности, “сказаться”. Данный тезис находил континуальное метафорическое выражение в разных текстах, в разные годы.

“Двенадцать” Блока возникли под чарой. Демон данного часа революции (он же блоковская “музыка Революции”) вселился в Блока и заставил его (8, 841).

Какова же стихия, каков же демон, вселившийся в тот час в Маяковского и заставивший его написать Врангеля? (8, 849).

Меня вещи всегда выбирали по примете силы, и писала я их часто – почти против воли. И не я из ста слов (не рифм! посреди строки) выбирала сто первое, а она (вещь), на все сто эпитетов упиравшаяся: меня не так зовут (8, 848).

Высказывания, относящиеся к образам разных авторов, вызывают одинаковую ассоциацию с состоянием одержимости. Узуальными данные метафоры назвать нельзя, тем не менее, примечателен тот факт, что подобные ассоциации возникали не только у М. И. Цветаевой. Например, в письме П. А. Вяземскому А. С. Пушкин писал: *“...уж не пеняйте, если письмо мое заставит звать ваше пиитическое сиятельство; сами виноваты; зачем дразнить было несчастного царскосельского пустынного, которого уж и без того дергает бешеный демон бумагомарания”*. Образ демона, восходящий к философии и религии, символизирует в данном контексте силу, которой не может противостоять человек. Тем не менее эта сила носит не разрушающий, но созидательный характер. Она существует на границе между реальностью и фантазией, материальным и идеальным: стихи, слова, образы имеют имя (*меня не так зовут*), вступают с поэтами в диалог, как живые существа, в то же время подобны духу (*вселился в Блока*). Итерация (повтор одинакового лексического комплекса в разных произведениях одного автора) указывает на глубину и силу вышеописанных метафор, их укоренённость в сознании М. И. Цветаевой.

Отдельной частью континуума являются метафоры, образованные посредством реминисценций к прецедентным высказываниям и автоцитатам. Ю. Н. Караулов отмечал: *“Языковой личности свойственно переключаться из “фактологического” контекста мысли на “ментальный” (ранее сформулированные мысли личности или кого-то другого) и обратно”* [4, 216]. В связи с этим небезынтересно рассмотреть следующие метафоры.

Есть формула для Пастернака и Маяковского. Это – двуединая строка Тютчева:

Всё во мне и я во всём.

Всё во мне – Пастернак. Я во всём – Маяковский. <...> Маяковский в одиночном заключении – ничто. <...> Пастернак в одиночном заключении – всё (8, 789).

Для создания метафоры автор использовал прецедентное высказывание, взятое из стихотворения Ф. И. Тютчева *“Тени сизые смесились...”*. Удачная трансформация порождает в данном случае экспрессивность, что происходит за счёт оживления составляющих афоризма.

Всё во мне – Пастернак. Я во всём – Маяковский. С позиций синтаксиса данный случай редок, так как сказуемое в двух предложениях выражено цитатой. Позаимствовав её у другого автора, М. И. Цветаева трансформировала не только состав цитаты (сделала из одного предложения два), но и частично – смысл (у Ф. И. Тютчева герой стихотворения одновременно был и объектом, и субъектом действия; у М. И. Цветаевой – образы двух людей). Именные сказуемые, выраженные именами собственными и выделенные посредством тире, вызывают ассоциацию с тем, что каждый из поэтов мог бы поставить свою подпись под соответствующей фразой.

Маяковский в одиночном заключении – ничто. Пастернак в одиночном заключении – всё. Метафора представлена синтаксическим параллелизмом. Именные сказуемые в каждом предложении выражены местоимениями *ничто* – *всё*, образующими антитезу. Таким образом, метафора является разветвлённой. Соединение параллелизма и антитезы выполняет функцию контраста, так как на фоне симметричной конструкции предложений выделяется семантическая противоположность сказуемых. Идиолекту М. И. Цветаевой иногда свойствен стилистический и образный синкретизм. В данном примере автор неожиданно вводит образ одиночного заключения – понятия, связанного с пребыванием в тюрьме, что резко контрастирует с образами природы, поэзии (в очерке “Пушкин и Пугачёв”, например, так же неожиданно возник образ очной ставки). Возникновение необычного образа неслучайно. В качестве дополнения основной мысли возникает ассоциация с тем, что В. Маяковский и Б. Пастернак свободны с точки зрения закона, социальных отношений, но как поэты находятся в плену своей одарённости, не могут контролировать процесс возникновения произведений. Разумеется, данная ассоциация не является прямым толкованием метафоры (*Маяковский в одиночном заключении – ничто*), где одиночное заключение понимается как ограничение от контекста, одиночество в качестве источника вдохновения.

В “Искусстве при свете совести” М.И. Цветаева противопоставляла поэта, “жертву демона”, лже-поэту, “жертве литературы”. Эта мысль находит континуальное метафорическое выражение в ряде текстов.

Вдохновение + воловий труд, вот поэт, воловий труд + воловий труд, вот Брюсов: вол, везущий воз (8, 524).

Три слова являют нам Брюсова: воля, вол, волк. Триединство не только звуковое – смысловое: и воля – Рим, и вол – Рим, и волк – Рим. Трижды римлянином был Валерий Брюсов: волей и волком – в поэзии, волком (*homo homini lupus est*)*** в жизни (8, 527).

В данной метафоре автор связывает ассоциации, относящиеся к Риму, с образом Брюсова на основании того, что поэт-символист был увлечён эпохой Римской империи и неоднократно освещал историю и культуру той поры в своих произведениях (исторический роман “Алтарь победы”, повесть “Рея Сильвия” и др.). Кроме того, подобно Н. В. Гоголю В. Я. Брюсов противопоставлял Рим (древнюю столицу) Парижу, новой столице, что вряд ли нашло отклик в душе М.И. Цветаевой, более всего любившей и воспевавшей Москву, равно как другие русские поэты, чей талант она уважала (А.С. Пушкин, В.В. Маяковский). В связи с этим посредством приёма выдвижения автор не только характеризует поэта, но и демонстрирует своё отношение к нему. Эффект обманутого ожидания возникает в связи с непредвиденной трактовкой слов, которым предшествует, как кажется, комплимент, а, возможно, и отражение мечты самого В. Брюсова: “*Трижды римлянином был Валерий Брюсов*”: *волей и волком – в поэзии, волком (homo homini lupus est) в жизни*. Поэзия и жизнь в данном контексте создают оппозицию двух миров, в каждом из которых может существовать поэт.

Паронимическая аттракция (индивидуально-авторская мотивация) возникает в результате сближения индивидом созвучных разнокорневых слов на основе их осмысления как мотивационно связанных. Звуковое сходство означающих не только не препятствует

поисковому движению нашей мысли, но прямо в нём участвует [7]. Этимологические словари указывают, что упомянутые слова произошли от разных корней. В то же время фонетический повтор *вол* обращает на себя внимание, заставляя задуматься над значением каждого слова. “Волк – хищное животное; полагают также, что слово волк может происходить от *vel-, по этимологии значит “уволакивающий, таскающий” [9, с. 66]. “Вол – бык, используемый как рабочее животное” [Т. 1, с. 163]. “Воля – сознательное регулирование своего поведения, настойчивость в действии, свобода, простор; от *volъ / volъ – воля, желание, выбор” [11, с. 67]. Наряду с разумом и совестью М. И. Цветаева причисляла волю к общечеловеческим качествам [8, с. 849]. Таким образом, метафоры по аналогии отсылают нас к уже вспоминавшемуся выше тезису о том, что в истинном поэте (в представлении М. И. Цветаевой) непременно должны сочетаться трудолюбие и наитие – человеческое качество и сверхприродный, ирреальный феномен. В описании автором В. Брюсова аспект последнего отсутствует. Творчество поэта, не взаимодействующего со стихией, работающего в атмосфере замкнутости, М. И. Цветаева не признавала полноценным.

Анализ метафор в аспекте картины мира позволяет сделать некоторые выводы. Многие исследователи творчества М. И. Цветаевой отмечают, что поэту было свойственно строить прозаические тексты по законам поэзии. В особенности это касается использования металогии, тропеической речи, безусловный авторитет в которой принадлежит метафоре. Возводя метафору в статус смысловой доминанты, автор окружает её такими выразительными средствами, которые так же концентрируют внимание реципиента – анафоры, риторические вопросы, эффект обманутого ожидания, трансформация афоризмов, что служит структурообразующим фактором и многоаспектно эксплицирует образ поэта. Последний формировался в сознании М. И. Цветаевой одновременно с позиций читателя и коллеги по литературному ремеслу, таким образом, на создание данной системы представлений в языковой картине мира автора огромное влияние оказали как лингвистические, так и экстралингвистические факторы (общение в реальной жизни с поэтами-современниками, воспоминания детства, владение в совершенстве несколькими языками, широкая эрудиция). Обращение к генитивным метафорическим конструкциям связано с представлением о поэте как всесторонне одарённой личности. Одинаковые ассоциации, связанные с характеристиками образа поэта, часто находят отражение в описании разных авторов, что обуславливает обращение к итерации и повторам. Таким образом, в индивидуально-авторском представлении М. И. Цветаевой поэтам как носителям ряда положительных коннотаций противопоставлены либо обычные люди, либо лже-поэты.

Примечания:

*М. Л. – Марк Львович Слоним

**В одном из посвящений Б. Л. Пастернаку М. И. Цветаева писала: “Моему брату в пятом времени года, шестом чувстве и четвертом измерении”.

*** *homo homini lupus est* – человек человеку волк (лат.).

Литература

1. Арутюнова Н. Д. Образ, метафора, символ в контексте жизни и культуры // *Res Philologica: Филологические исследования памяти академика Георгия Владимировича Степанова* / Отв. ред. Д. С. Лихачев. – Москва–Ленинград : Наука, 1990. – С. 71–88.
2. Башук А. И. Метафора как средство создания мифологических образов в драматическом творчестве Н. С. Гумилёва : дис. канд. фил. наук: 10.02.02 / Алла Ивановна Башук; НПУ имени М. П. Драгоманова. – К., 2002. – 204 л.
3. Болотнова Н. С. Коммуникативная стилистика текста: словарь-тезаурус / Н. С. Болотнова. – М. : Флинта: Наука, 2009. – 384 с.

4. Иванова Л. П. Отображение языковой картины мира автора в художественном тексте (на материале романа А. С. Пушкина “Евгений Онегин”): [учебное пособие к спецкурсу] / Л. П. Иванова. – К. : “Освіта України”, 2006. – 140 с.
5. Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность / Ю. Н. Караулов. – М. : УРСС, 2002. – 264 с.
6. Маслова В. А. Лингвистический анализ экспрессивности художественного текста: Учебн. Пособие / В. А. Маслова. – Мн. : Выш.шк., 1997. – 156 с.
7. Ревзина О. Г. Загадки поэтического текста // Коммуникативно-смысловые параметры грамматики и текста. Сборник статей, посвященный юбилею Г. А. Золотовой. – М. : Эдиториал УРСС, 2002. – С. 418–433.
8. Цветаева М. И. Полное собрание поэзии, прозы, драматургии в одном томе / М. И. Цветаева. – М. : “АЛЬФА-КНИГА”, 2008. – 1214 с.
9. Цветаева М. Неизданное. Сводные тетради / Подгот. текста, предисл. и примеч. Е. Б. Коркиной и И. Д. Шевеленко. – М. : Эллис Лак, 1997. – 640 с.

Справочная литература

10. Ушаков Д. Н. Большой толковый словарь современного русского языка / Д. Н. Ушаков. – М. : Альта-Принт, 2008. – 1239 с.
11. Цыганенко Г. П. Этимологический словарь русского языка: Более 5000 слов / Г. П. Цыганенко. – [2-е изд, перераб. и доп.]. – К. : Рад. шк., 1989. – 511 с.
12. Черных П. Я. Историко-этимологический словарь русского языка: В 2 т. / П. Я. Черных. – [3-е изд., стереотип.]. – М. : Рус. яз., 1999. – Т. 1: А – Пантомима. – 624 с.